

УДК: 159.923.2–057.875

## ОБЪЕКТНО-СУБЪЕКТНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. А. Корсунский, Н. Е. Есманская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 июля 2015 г.

**Аннотация:** статья посвящена анализу иллюстративного, аналитического и развивающего подходов к использованию художественной литературы с целью развития у будущих психологов профессиональных компетенций. Основное внимание уделено развивающему подходу, психотехнология которого основана на задачном методе; разработаны критерии отбора стимульного материала и комплексы литературно-творческих задач, нацеленных на развитие базовых профессиональных компетенций: воображения и читательских переживаний.

**Ключевые слова:** задачный метод, изобразительные средства, иллюстративный, аналитический и художественный подходы, психотехнология, объектно-субъектное преобразование личности, психологизм художественной литературы, психологический механизм переноса; профессиональные компетенции.

**Abstract:** the article is devoted to the analysis of illustrative, analytical and developmental approaches in practical use of literature with the goal of developing future psychologists professional competencies. The focus is on developing the approach. The psycho-technology is based on task method. The criteria for selecting stimulus material and complexes literary-creative tasks aimed at the development of basic professional competencies: imagination and the reader's experiences.

**Key words:** task method, visual tools; illustrative, analytical and artistic approaches; psycho-technology; object-subject transformation of personality; psychological fiction; psychological mechanism of transfer; professional competence.

Наглядным примером и образцом объектно-субъектного преобразования личности средствами художественной литературы является А. М. Горький, неоднократно утверждавший, что всем хорошим в своей личности он обязан книгам, из которых он узнавал о человеке то, чего ранее о нем не знал [1].

Особенно актуальна эта мысль в нашей стране – современная молодежь не должна утрачивать своей читательской активности. В данной статье мы рассматриваем технологию возрождения читательской активности среди молодежи, и прежде всего среди студентов-психологов, поскольку, как справедливо утверждал выдающийся русский психолог Б. М. Теплов, художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология [2].

Методологической основой нашего исследования является концепция известного методолога профессора С. М. Годника об объектно-субъектном преобразовании личности. В соответствии с

этой концепцией мы рассматриваем читателя в качестве объекта и субъекта читательской деятельности, в процессе которой происходит преобразование его личности, преемственное развитие человека в человеке [3].

В отечественной и зарубежной психологии психологический анализ художественных текстов чаще всего используется в качестве иллюстраций различных психологических феноменов. Достоинством такого иллюстративного подхода является образная конкретизация психологических понятий, что, несомненно, способствует более глубокому пониманию и усвоению студентами-психологами, в первую очередь первокурсниками, понятийного аппарата психологической науки.

Ярким образцом иллюстративного подхода к художественным текстам являются учебники: С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» [4], Б. М. Теплова «Психология» [5], Ю. Б. Гиппенрейтер «Введение в общую психологию» [6], а также книги: К. А. Абульхановой-Славской «Стратегия жизни» [7], В. П. Белянина «Психологическое литературоведение» [8] и К. Леонгарда «Акцентуированные личности» [9].

Аналитический подход к психологическому анализу поведения, переживаний, темперамента и характеров литературных персонажей представлен в монографии Л. С. Выготского «Психология искусства» [10] и в статье Б. М. Теплова «Заметки психолога при чтении художественной литературы» [2].

В меньшей степени разработан развивающий подход, который реализуется в Воронежском государственном университете в спецкурсах «Художественная литература как источник развития психологических знаний о человеке» [11] и «Развитие психологической проницательности средствами художественной литературы» [12]. Обращение известных классиков отечественной и зарубежной психологии послужило основной причиной разработки спецкурсов для студентов-психологов. Особенно интересен в этом отношении опыт психоаналитического прочтения З. Фрейдом произведений М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, У. Шекспира. Органичной частью профессиональной деятельности З. Фрейда было не только психоаналитическое чтение художественной литературы, но и собственное литературное творчество.

Для К. Юнга художественная литература, в частности произведение И.-В. Гёте «Фауст», стала отправной точкой к познанию психологии человека.

Широко использовал художественную литературу выдающийся немецкий психиатр К. Леонгард: анализируя 147 литературных произведений, в том числе произведения Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, ученый использовал литературные образы в качестве иллюстраций в характеристиках акцентуированных личностей.

Неслучайно также и то обстоятельство, что многие выдающиеся психологи были страстными читателями. Любимыми авторами А. Адлера, Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, Р. Кроули, А. Маслоу, Д. Милле, В. Н. Мясищева, И. П. Павлова, Дж. Роттера, Б. М. Теплова, Л.-М. Франца, З. Фрейда, К. Хорни и К. Юнга были великие писатели-психологи: И. В. Гёте, В. Гюго, Ч. Диккенс, Ф. М. Достоевский, Э. Золя, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. Франс, А. П. Чехов, В. Шекспир, Ф. Шиллер и др. Чтение художественной литературы являлось для них не только источником психологических знаний о человеке, но и фактором, повлиявшим на формирование их профессиональной направленности. В частности, чтение художественной литературы сыграло не последнюю роль в выборе В. Н. Мясищевым профессии психолога. Его раннее и глубокое увлечение художественной литературой, по свидетельству А. А. Бо-

далева, способствовало пробуждению интереса к психологии больного и здорового человека. Этот интерес был ярко выражен у В. Н. Мясищева на протяжении всей его жизни.

Ценными являются авторитетные суждения Г. Олпорта, утверждавшего, что художественную литературу необходимо использовать в целях расширения профессиональной компетентности психологов, которые могут научиться у писателей тонкому психологическому наблюдению и описанию наблюдаемого, а также более глубокому пониманию личности в ее конкретной целостности. Актуально сегодня звучит призыв Г. Олпорта, обращенный к студентам-психологам: «Если вы студент-психолог, читайте много-много романов и драм характеров и читайте биографии» [13].

Сущность развивающего подхода заключается в использовании соответствующей психотехнологии, при разработке которой пришлось отказаться от четких алгоритмов из-за различий жизненного и читательского опыта субъектов читательской деятельности и самобытности, оригинальности стимульного материала. В связи с этим в развивающей психотехнологии был использован задачный метод, который заключается в том, что студентам предлагаются вопросы к анализируемому тексту, которые ставят их в позицию исследователя. При этом естественно активизируются их читательское воображение, читательские переживания, образное и абстрактное мышление и другие психические процессы. Ценность развивающего подхода состоит в том, что он, наряду с развивающей, выполняет и диагностическую функцию.

При выборе отрывков для диагностики и развития профессиональных компетенций будущих психологов учитывались следующие требования:

- 1) произведение, из которого взят отрывок, должно быть незнакомо испытуемым, так как только при этом условии у них могут возникнуть представления творческого воображения, активизироваться мышление, интуиция, прогностические способности; произведение должно содержать в себе яркие художественные детали, стимулирующие развитие основных компонентов психологической проницательности;

- 2) художественный текст должен соответствовать жизненному и читательскому опыту студентов, чтобы быть понятным;

- 3) произведение должно быть высокохудожественным, поскольку только такой текст способен стимулировать читательское воображение и другие составляющие психологической проницательности;

- 4) художественный текст должен иметь высокую степень неопределенности и дефицит инфор-

мации, обуславливающие наибольший простор для проявления целого ряда компонентов психологической проницательности, в частности воображения, интуиции, способности к прогнозированию;

5) произведение должно пробуждать «интерес продолжения», «интерес конца» (рецептивные понятия М. М. Бахтина), дающий возможность выявлять особенности воображения, интуиции и прогностических способностей;

6) художественный текст должен обнаруживать основные приемы художественного изображения внутреннего мира персонажей, их характеров, в частности яркие художественные детали, активизирующие творческую активность при его восприятии;

7) произведение должно обладать воспитательным гуманистическим потенциалом.

Особое внимание при отборе и анализе стимильного материала на практических занятиях уделяется способам изображения писателями внутреннего мира персонажей.

Первый способ изображения внутреннего мира литературных персонажей («изнутри») реализуется посредством их внутренних монологов, писем, дневников, снов, грез, исповедей, воспоминаний, самонаблюдений и т.д., что создает у читателя впечатление подслушанных мыслей и переживаемых чувств.

Второй способ изображения персонажей («извне») – описание внешнего облика, поступков, жестов, мимики, различных физиологических проявлений, особенностей речи, места действия, пейзажей и т.п.

К третьему способу изображения относится вербальное обозначение. В этом случае мысли и чувства персонажей лишь называются, а не изображаются. Особо следует указать на прием умолчания, суть которого в том, что читатель сам догадывается о мыслях и чувствах персонажа без помощи автора. В этом случае студент-читатель становится соавтором писателя благодаря дорисовывающей функции своего читательского воображения.

Всем этим критериям, например, соответствуют отрывки из произведений М. А. Булгакова («Мастер и Маргарита», сцена допроса Иешуа Понтием Пилатом); В. А. Арсеньева («По Уссурийскому краю», сцены, в которых проявилась необычайная наблюдательность Дерсу Узала); Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», сцены допросов Раскольникова следователем Порфирием Петровичем); Н. Нестеровой («Уравнение со всеми известными», клиент на консультации у психолога); К. Г. Паустовского («Старик в стан-

ционном буфете») и И. Грековой («Скрипка Ротшильда»).

Поскольку на первом этапе у студентов еще отсутствуют умения и навыки психологического анализа незнакомых художественных текстов, вопросы к ним формулирует преподаватель. Кстати сказать, как показал опыт авторов данной статьи, составление вопросов-задач к анализируемым текстам в ходе реализации разработанных спецкурсов стимулирует развитие читательских способностей студентов, формирует у них умения и навыки извлекать из художественной литературы знания, без которых не может обойтись современная научная психология. Как видим, расположение этих этапов соотносится с принципом преемственности.

На втором этапе студенты овладевали умением самостоятельно формулировать вопросы к предложенному тексту и отвечать на них.

На третьем этапе – самостоятельно находили отрывки, в которых присутствовали персонажи с ярко выраженной психологической проницательностью, а также самостоятельно формулировали вопросы к текстам и отвечали на них.

На четвертом этапе студенты, выявляя структуру психологической проницательности персонажа, работали не с отрывками, а с целыми произведениями.

И наконец, на последнем, пятом, этапе будущие психологи совершенствовали свою психологическую проницательность, характеризуя незнакомое лицо или литературного персонажа по своему выбору на основе целостного анализа литературного произведения.

Следует особо подчеркнуть, что проведение указанных выше спецкурсов способствует развитию психологической проницательности студентов, под которой понимается способность быстро, глубоко, объективно и верно разгадывать, познавать, понимать характеры литературных персонажей и реальных людей, их поведение и отношения.

На этапах развивающего эксперимента его участники непременно соблюдали следующие психолого-педагогические условия: использовали хорошо зарекомендовавшие себя в психологии и педагогике групповые дискуссии коллективного анализа и обсуждения различных вариантов решения одной и той же литературной задачи, что позволило всем испытуемым опираться не только на свой личный жизненный и читательский опыт, но и на опыт своих сверстников, преподавателей психологии и экспериментатора; психологический анализ литературных персонажей с целью выявления психологической проницательности опи-

рался на основные теоретические положения психологии личности.

Таким образом, при отборе стимульного материала и приемов работы с ним соблюдался принцип постепенного усложнения литературно-творческих задач, стимулирующих в максимальной степени исследовательскую самостоятельность студентов.

Всем указанным выше требованиям к стимульному материалу идеально соответствует сцена допроса следователем Порфирием Петровичем Родионом Раскольниковым:

«– Вы когда меня думаете арестовывать?»

– Да денька полтора али два могу еще дать вам погулять. Подумайте-ка, голубчик, помолились-ка Богу. Да и выгоднее, ей-богу, выгоднее.

– А ну, как я убегу? – как-то странно усмехаясь, спросил Раскольников.

– Нет, не убежите. Мужик убежит, модный сектант убежит – лакей чужой мысли, – потому ему только кончик пальчика показать, как мичману Дырке, так он на всю жизнь во что хотите поверит. А вы ведь вашей теории уж больше не верите, – с чем же вы убежите? Да и чего вам в бегах? В бегах гадко и трудно, а вам прежде всего надо жизни и положения определенного, воздуху соответственного, ну а ваш ли там воздух? Убежите и сами воротитесь. Без нас вам нельзя обойтись. А засади я вас в тюремный-то замок – ну месяц, ну два, ну три посидите, а там вдруг и, помяните мое слово, сами и явитесь, да еще как, пожалуй, себе самому неожиданно. Сами еще за час знать не будете, что придете с повинною. Я даже вот уверен, что вы «страданье надумаетесь принять»; мне-то на слово теперь не верите, а сами на том остановитесь. Потому страданье, Родион Романыч, великая вещь; вы не глядите на то, что я отолстел, нужды нет, зато знаю; не смейтесь над этим, в страдании есть идея. Миколка-то прав. Нет, не убежите, Родион Романыч.

Раскольников встал с места и взял фуражку. Порфирий Петрович тоже встал.

– Прогуляться собираетесь? Вечерок-то будет хорош, только грозы бы вот не было. А впрочем, и лучше, кабы освежило.

Он тоже взялся за фуражку.

– Вы, Порфирий Петрович, пожалуйста, не заберите себе в голову, – с суровою настойчивостью произнес Раскольников, – что я вам сегодня сознался. Вы человек странный, и слушал я вас из одного любопытства. А я вам ни в чем не сознался... Запомните это.

– Ну, да уж знаю, запомню, – ишь ведь, даже дрожит. Не беспокойтесь, голубчик; ваша воля да будет. Погуляйте немножко; только слишком-то уж много

нельзя гулять. На всякий случай есть у меня и еще к вам просьбица, – прибавил он, понизив голос, – щекотливенькая она, а важная: если, то есть на всякий случай (чему я, впрочем, не верую и считаю вас вполне неспособным), если бы на случай, – ну так, на всякий случай, – пришла бы вам охота в эти сорок-пятьдесят часов как-нибудь дело покончить иначе, фантастическим каким образом – ручки этак на себя поднять (предположение нелепое, ну да уж вы мне его простите), то – оставьте краткую, но обстоятельную записочку. Так, две строчки, две только строчечки, и об камне упомяните: благороднее будет-с! Ну-с, до свидания... Добрых мыслей, благих начинаний!» [14, с. 453].

Этот отрывок был выбран по следующим основаниям: во-первых, только немногие (2–3 студента, по их собственному признанию), прочли в школьные годы роман, а остальные ограничились чтением краткого содержания в многочисленных печатных изданиях; во-вторых, все испытуемые имели смутное представление об образе следователя Порфирия Петровича, наделенного Ф. М. Достоевским феноменальной пронизательностью; в-третьих, в литературоведческих и психологических источниках авторы априори полагают, что Порфирий Петрович является образцом психологической пронизательности, однако структура его психологической пронизательности до сих пор никем не подвергалась аналитическому исследованию; в-четвертых, в педагогической психологии еще не было попыток использовать образ Порфирия Петровича в целях развития психологической пронизательности студентов-психологов; в-пятых, особенностью этого отрывка является не только наличие вопросов, но и ответов на них в самом тексте, что значительно облегчает анализ испытуемыми и ориентирует их на внимательное «вычитывание» содержащихся в тексте ответов.

Чтобы выявить степень осознанности студентами элементов составляющих психологическую пронизательность следователя Порфирия Петровича и таким образом получить представление о степени развития их собственной психологической пронизательности, было предложено письменно ответить на следующие вопросы:

1. Почему Порфирий Петрович не арестовывает Раскольникова?
2. Почему Порфирий Петрович уверен в том, что Раскольников не убежит?
3. Почему Порфирий Петрович уверен в явке Раскольникова с повинной?
4. Почему Порфирий Петрович уверен, что Раскольников не совершит самоубийства?
5. Как Порфирий Петрович и Раскольников относятся друг к другу?

6. Какие качества характера проявились у Порфирия Петровича и Раскольникова в этой сцене?

7. Каково эмоциональное состояние Порфирия Петровича и Раскольникова в этой сцене?

8. Как могла бы сложиться дальнейшая судьба Раскольникова, если бы на его пути не встретился следователь Порфирий Петрович?

9. Отвечать на вопросы мне было: очень трудно; трудно; скорее трудно, чем легко; легко; очень легко.

На вопрос Раскольникова, почему Порфирий Петрович его не арестовывает, студенты высказали предположение, что на воле Раскольникова, по мнению проницательного и тонкого психолога Порфирия Петровича, лучше и быстрее сможет обдумать свое положение и принять правильное решение. Таким образом, в структуре психологической проницательности исследователя студенты выделяют такой компонент, как способность прогнозировать поведение человека в различных обстоятельствах.

На вопрос, почему следователь уверен, что Раскольников не убежит, студенты проявили более пристальное внимание к тексту и смогли «вычитать» имеющийся в нем ответ на этот вопрос: «Раскольников разуверился в своей теории», «Гордость не позволит ему бежать», «Нельзя от себя убежать».

Отвечая на третий вопрос, студенты должны были обосновать уверенность Порфирия Петровича в том, что внутренняя борьба Раскольникова завершится явкой с повинной. Некоторые студенты успешно решили эту психологическую задачу: «Явка с повинной – единственный способ Раскольникова облегчить свою душу», «страдание... великая вещь... в страдании есть идея». Но большинство студентов дали необоснованные ответы, не обратив внимания на ответ самого Порфирия Петровича: «Раскольников испытывает чувство сожаления за свой поступок», «Раскольников боится, что его арестуют» и т.д. Таким образом, у студентов отсутствуют умения и привычки внимательно читать текст и извлекать из него необходимую информацию.

Отвечая на четвертый вопрос, следовало обосновать уверенность Порфирия Петровича в том, что Раскольников не совершит самоубийства. С этой психологической задачей справились немногие, хотя в отрывке Порфирий Петрович четко обозначил свою позицию по данному вопросу.

Пятый вопрос нацеливал студентов на выявление отношения Порфирия Петровича и Раскольникова друг к другу. Подавляющее большинство студентов верно определили отношение Порфирия Петровича к Раскольникову в этой сцене:

«как психолог к пациенту», «направляет Раскольникова по правильному пути», «подталкивает Раскольникова к раскаянию», «протягивает ему руку помощи» и т.д.

Значительно сложнее студентам было определить отношение Раскольникова к Порфирию Петровичу из-за явного дефицита информации по этому вопросу. Некоторые студенты считают, что Раскольников «боится Порфирия Петровича», «не доверяет Порфирию Петровичу», «остерегается Порфирия Петровича», а другие ошибочно полагают, что Раскольников «испытывает уважение к Порфирию Петровичу», «завидует его проницательности», «испытывает к нему доверие», т.е. почти половина студентов явно идеализировали отношение Раскольникова к Порфирию Петровичу.

Для определения психологической проницательности студентов наиболее значимым является шестой вопрос, в соответствии с которым они выявляли черты характера, проявляющиеся у Порфирия Петровича и Раскольникова в анализируемой сцене. Будущие психологи увидели в характере Порфирия Петровича целый ряд положительных черт: доброжелательность, терпимость, уравновешенность, уверенность в себе, предусмотрительность, рассудительность, здравомыслие, дипломатичность, проницательность. Значительно хуже студенты выявили черты характера Раскольникова, проявляющиеся в этой сцене: они наделили его не свойственными ему качествами: самообладанием, выдержкой (не обратили внимание на реплику наблюдательного Порфирия Петровича: «ишь ведь, даже дрожит»), грубостью, доверчивостью, ехидством, претензией на взрослость, поверхностностью, легковерием, занудливостью. И только немногие заметили у Раскольникова скрытность, замкнутость, смелость и в то же время трусость.

На выявление способности распознавать, понимать чувства и эмоциональные состояния литературных персонажей был ориентирован седьмой вопрос. Большинство студентов указали на спокойствие и уравновешенность Порфирия Петровича, на его уверенность в своей правоте и на сочувствие Раскольникову, т.е. подавляющее большинство студентов проявили довольно высокий уровень развития способности определять эмоциональное состояние литературного персонажа. Довольно успешно испытуемые определили и эмоциональное состояние Раскольникова: указали на страх разоблачения, на тревогу и взволнованность. Предпоследний вопрос выявил у студентов наличие или отсутствие такого компонента психологической проницательности, как способ-

ность прогнозировать поведение литературного персонажа в новых, измененных условиях в соответствии с его характером.

Незнание текста всего романа направило некоторых студентов по ложному пути: «Раскольников покончил бы жизнь самоубийством». В конце романа Ф. М. Достоевский излагает точку зрения самого Раскольникова на невозможность подобного финала: «Он скорее допускал тут одну только тупую тяжесть инстинкта, которую не ему было порвать и через которую он опять-таки был не в силах перешагнуть (за слабостью и ничтожностью)» [14, с. 535].

Не соответствуют характеру Раскольникова и другие прогнозы испытуемых: «Раскольников мог бы убежать», «Не пришел бы с повинной», «Порфирий Петрович практически не повлиял на дальнейшее поведение Раскольникова», «Ничего не изменилось бы в его судьбе». Таким образом, способность к прогнозированию поведения литературного персонажа в измененных обстоятельствах в структуре психологической проницательности у будущих психологов оказалась недостаточно развитой.

Для нашего исследования также показательны ответы и на девятый вопрос о степени трудности психологического анализа художественного текста: большинство студентов сочли предложенное задание трудным. Эти данные свидетельствуют об отсутствии у большинства студентов-психологов умений и навыков извлекать из художественной литературы необходимую психологическую информацию; отчасти это объясняется тем, что метод психологического анализа художественной литературы в учебном процессе студентов-психологов практически используется редко.

Значительное количество неверных ответов свидетельствует не только об отсутствии у многих студентов-психологов умений и навыков диагностировать в литературном персонаже составляющие феномена его психологической проницательности, но и о недостаточной развитости у них психологической проницательности, что наглядно проявилось в частоте называния личностных и профессиональных качеств следователя Порфирия Петровича.

В приведенном выше отрывке Ф. М. Достоевский применил три способа изображения качеств, эмоционального состояния и мыслей Порфирия Петровича и Раскольникова: писатель указывает на прогностические способности Порфирия Петровича, граничащие с ясновидением: «придете с повинной»; его предусмотрительность: «оставьте краткую, но обстоятельную записочку»; его уверенность в себе и в своей правоте: «Нет, не

убежите... вы страданье надумаетесь принять»; эмпатию понимания и сочувствия: «Не беспокойтесь, голубчик, ваша воля да будет»; причем читатель узнает об этом из уст самого героя.

Дважды в отрывке использовано косвенное изображение эмоционального состояния Раскольникова – через внешние проявления психических процессов и поведения: «ишь ведь, даже дрожит», «странно усмехаясь, спросил Раскольников». И один раз употреблен прием называния качества личности Порфирия Петровича без его изображения: «Вы человек странный...».

Поскольку осознание качеств литературных персонажей обусловлено не только их содержанием, но и способом их изображения, в последующих экспериментальных задачах, ориентированных на развитие психологической проницательности, особое внимание уделяется практическому овладению студентами средствами художественной литературы, с помощью которых создается художественный образ.

Психологический анализ литературных персонажей, наделенных писателями-психологами сверхпроницательностью, позволяет выявлять сущность и составляющие психологической проницательности. Однако при этом следует учитывать, что осознание и оценка качеств литературного персонажа зависят не только от содержания этих качеств и уровня сформированности у испытуемых понятий об этих качествах, но и от знания и понимания ими изобразительных средств художественной литературы.

Систематическое использование в образовательном процессе метода психологического анализа литературных персонажей способствовало развитию психологической проницательности у будущих психологов, благодаря которой они начинали более глубоко понимать характеры, чувства, эмоциональные состояния и индивидуально-психологические особенности не только самих литературных персонажей, но и живых реальных людей.

Опыт, накопленный в процессе преподавания спецкурсов, радикально обогащает учебный процесс. Авторы статьи в дальнейшем планируют выпустить учебное пособие, в котором стимульным материалом будет являться лирика поэтов-классиков, а в научном плане – изучить механизм переноса умений и навыков психологического анализа литературных персонажей на восприятие реальных читателей.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Горький А. М. О том, как я учился писать / А. М. Горький // Горький А. М. Собр. соч. : в 30 т. – М. : Педагогика, 1974. – Т. 24.

2. Теплов Б. М. Заметки психолога при чтении художественной литературы / Б. М. Теплов. Избранные труды : в 2 т. – М. : Педагогика, 1985. – Т. 1. – С. 306–312.
3. Годник С. М. Преобразование личности как творческая функция педагогической деятельности / С. М. Годник // Современное образование : опыт и проблемы : сб. науч. ст. – Воронеж, 2008. – С. 55–81.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 569 с.
5. Теплов Б. М. Психология / Б. М. Теплов. – М. : Учпедгиз, 1950. – 216 с.
6. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию / Ю. Б. Гиппенрейтер. – М. : Омега, 2005. – 334 с.
7. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
8. Белянин В. П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя / В. П. Белянин. – М. : Генезис, 2006. – 320 с.
9. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – 541 с.
10. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М. : Высшая школа, 1987. – 576 с.
11. Художественная литература как источник психологических знаний о человеке : хрестоматия-практикум / сост. Н. Е. Есманская. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2012. – 91 с.
12. Есманская Н. Е. Развитие психологической проницательности средствами художественной литературы : учебное пособие для студентов-психологов / Н. Е. Есманская, Е. А. Корсунский. – Воронеж : ВЭПИ, 2008. – 157 с.
13. Олпорт Г. Личность : проблемы науки или искусства // Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыряя. – М. : МГУ, 1989. – С. 228–230.
14. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Л. : Лениздат, 1970.
15. Есманская Н. Е. Использование художественных текстов для развития профессиональной компетенции студентов-психологов / Н. Е. Есманская // Акмеология. – 2013. – № 4. – С. 50–56.

*Воронежский государственный университет  
Корсунский Е. А., доктор психологических наук, профессор*

*E-mail: pslg36@mail.ru*

*Есманская Н. Е., кандидат психологических наук, доцент*

*E-mail: pslg36@mail.ru*

*Voronezh State University*

*Korsunsky E. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor*

*E-mail: pslg36@mail.ru*

*Esmanskaya N. E., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor*

*E-mail: pslg36@mail.ru*